

ВИКТОР КУЗНЕЦОВ

СДАЛА!

РАССКАЗ

Телефонный звонок раздался в самое неподходящее время. Виктория Гертрудова чистила картофель, и её руки побелели от выступившего крахмала. Сердито вибрируя, старенькая “Нokia” подползала всё ближе к краю подоконника.

“И кому же это я понадобилась в такую рань?” — бросив нож в раковину, подумала женщина. Она устремилась к окну, демонстративно громко и раздражённо сбивая пятки в дощатый пол. Двумя пальцами поймала мобильник, не глядя ткнула в зелёную кнопку:

— Слушаю! — мягко произнесла в трубку, которую машинально прижала плечом к уху, Виктория Гертрудова между тем комкала влажное полотенце.

— Алло, здравствуйте, это Вас из райотдела образования беспокоят, — зашебетал в ответ незнакомый женский голос. — Выручайте, Виктория Гертрудова. Завтра в школе, где учится Ваш сын Александр, состоится мероприятие — Единый государственный экзамен для родителей. Мы просим Вас подойти в школу к девяти часам утра, чтобы...

— Подождите, Вы ничего не перепутали? Какой экзамен?

— По русскому языку, — выдохнула женщина из райотдела. — В целях ознакомления родителей выпускников с процедурой сдачи ЕГЭ. Будут наблюдатели из областного министерства, а также наши руководители. Вот только мало кто свободен в этот день, согласились прийти всего десять мам и один папа.

— Я извиняюсь, — не теряя самообладания, ответила Виктория Гертрудова, — но, по-вашему, я менее занята, чем остальные?

КУЗНЕЦОВ Виктор Валерьевич родился в 1986 году в Нижегородской области. Окончил отделение журналистики филфака Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Профессиональный журналист.

— Нет, конечно, нет, — поспешил оправдаться голос в трубке, — войдите в наше положение — просто больше некому! А это очень серьёзное мероприятие.

“Для вас — серьёзное, спору нет”, — отметила про себя Виктория Гертудовна и, выждав пять секунд, сказала:

— Хорошо, запишите меня. Я приду.

— Ровно в девять ноль-ноль, не забудьте паспорт! — обрадовалась чиновница и первой сбросила вызов.

Найдя в списке контактов нужный ей, Виктория Гертудовна позвонила на работу:

— Алло, Лидочка, доброе утро! Завтра будешь вести приём без меня, дорогая. Не волнуйся, ты справишься: по записи пациентов совсем чуть-чуть. У Коленки Мартынова плановая прививка, проверь по журналу. Меня не будет максимум два часа, иду в школу на экзамен. Не спрашивай! — рассмеялась главный педиатр N-ского района Виктория Гертудовна Пирогова в ответ на шутку своей медсестры.

Шестнадцать лет назад, когда им с мужем жизнь начала отсчитывать четвёртый десяток, Виктория и Николай отчаялись в попытках стать родителями. И шестнадцать же лет назад они вместе приняли решение. Младенец Саша из “отказников” в городском родильном доме стал для них родным.

Три года прошло, как Николай погиб при невыясненных обстоятельствах. Сломалась машина на ночной трассе; его же самого после двух дней поисков обнаружили посреди пшеничного поля, был он абсолютно седой и... мёртвый.

Мать и сын справились с бедой — ведь для них жизнь продолжалась. Александр вырос незаменимым помощником для рано овдовевшей матери, и сейчас он интуитивно понимал, что должен стать настоящим мужчиной, выйти на новый уровень заботы о женщине, которая спасла его от участи сироты. Заботиться о ней до конца было его заветным желанием.

В день экзамена стояла чудесная солнечная погода — март расщедрился и выдал недельную порцию тепла, будто извиняясь за студёный февраль. Виктория Гертудовна проснулась без будильника от назойливого птичьего грая: под крышей её балкона поселились галки и шумно готовились к появлению потомства. На часах было ровно шесть утра.

Она переделала все нехитрые домашние дела и приготовила сыну завтрак. Вдруг поймала себя на мысли, что... волнуется! “Боже мой, я не припомню, чтобы в школе, да и в институте перед экзаменами дрожала. Прямо как мои семнадцать лет вернулись, но с впечатлительностью взрослой тётки. Дожила!”

Отношение доктора Пироговой к методике и качеству современного образования было в основном критичным, не резко негативным, — читать-писать ведь всё же учат, — но и не толерантным. Недоумение у неё вызывал так называемый Единый государственный экзамен, а точнее, подготовка детей к нему. Как специалист-кинолог натаскивает щенков, отработывая команды и шлифуя поведенческую схему будущей служебной собаки, так и учитель, бедный учитель, на долю которого выпала реформа системы образования, из-под палки доводит учеников до стрессов, срывов и депрессий во имя заветных баллов ЕГЭ.

Много о чём ещё думала Виктория Гертудовна по пути в школу. Когда она миновала высоченные школьные ворота (мелькнула в голове фраза “Arbeit macht frei” — “Труд освобождает”), поднялась на крыльцо из двадцати ступенек под бдительным оком двух камер, прошла через рамку металлоискателя и турникет, подверглась атаке суровой вахтёрши с требованием надеть бахилы, то почувствовала странную опустошённость, ощутила себя оскорблённой, словно её заставили прилюдно раздеться донага. Нет, раньше она ходила на родительские собрания в классе сына, но пять лет назад школа не была похожа на режимный объект...

Войдя в вестибюль, Виктория Гертудовна заприметила директрису, почти бегущую ей навстречу по длинному пустому коридору.

С Тamarой Волковой, хозяйкой учебного заведения, они были одноклассниками, учились вместе с первого класса. Даже окончив школу и поступив в разные институты, оставались хорошими подругами. Одна выбрала своим призванием учить детей, другая — лечить их.

— Вика, экзамен проходит на третьем этаже, в триста пятом кабинете. Извини, у меня срочное дело, потом поговорим, — лишь немного сбавив шаг, протараторила Тамара Валерьевна.

Виктория Гертудовна кивнула вслед удаляющейся на цокольный этаж директрисе и начала своё “восхождение к знаниям”.

Нахлынули воспоминания — шесть лет несчётное количество раз бегала, скакала, ходила она по этой лестнице. Школьные годы чудесные... Теперь ступеньки были закованы в массивную скользкую плитку, слепящую до головокружения своей белизной. Не побегать детишкам — с непривычки и ногу то ставишь с опаской, то ли дело выщербленный советский бетон, из которого прежде была отлита дорога к кладезям гранита науки.

Вот и третий этаж. Виктория Гертудовна ощутила небольшой дискомфорт в груди — сердце, что с него взять... А из-за угла на неё уже нёсся ураган на шпильках, звеня всеми застёжками примоднённой сумочки, как церковный колокол в праздник.

— Вы где же ходите? Вам во сколько сказали прийти? Ведь уже без пяти девять! — На Викторину Гертудовну из обильно обведённого тёмно-красной помадой ротового отверстия попала слюна. Голос она узнала — он принадлежал звонившей вчера чиновнице из райотдела.

— А что, президент уже прибыл? — сочувственно спросила она у соплошки, которой на вид не дала бы и двадцати лет.

Гонора поубавилось.

— Пройдите, пожалуйста, в триста четвёртый, снимите верхнюю одежду, приготовьте паспорт и ожидайте. Вас пригласят.

Развернулась, взмахнув роскошной гривой наращённых волос, и гордо ушла в направлении огромного кактуса на коридорном подоконнике.

“Это не мой пациент, — грустно улыбнувшись, подумала детский доктор Пирогова, — такое уже не лечится”.

Родители в ожидании приглашения на экзамен вели неторопливую беседу. Все они отпросились с работы: повар в детском саду, медицинская сестра в районной больнице, диспетчер в пожарной части, почтальон, продавец, дорожный рабочий... и ни одного чиновника, ни маленького, ни большого. А Виктория Гертудовна знала, что папы и мамы у доброй половины класса “трудятся” в администрации.

Оно и к лучшему. Душевная подобралась компания.

Через сорок минут всем велели построиться перед дверью соседнего кабинета. Стали зачитывать фамилии, имена, отчества и отправлять на пронумерованные места за партами. Неизвестно, как остальным, но Викторине Гертудовне уже на первом инструктаже стало тоскливо. “Какой садист всё это выдумал? — зарождался внутри неё праведный гнев. — Ведётся видеонаблюдение... Должны соблюдать порядок... Не разговаривать... Не раздеваться... Не перемещаться без сопровождения... Очень нервнируют такие указания. Раньше на экзамен ходили, как на праздник, не боялись лишний раз улыбнуться преподавателю и товарищам, а сейчас как бы за неосторожный взгляд не вылететь на пересдачу”.

— Извините, как же всё-таки писать единичку — как палочку или как у вас на доске? — прервал запутанные, монотонные объяснения о заполнении бланков отец Игоря Лебедева, единственный мужчина, согласившийся ненадолго побыть в шкуре своего отпрыска.

— Мы рекомендуем обозначать единичку как палочку, — вкрадчиво ответила преподаватель местного Дома искусств, по её словам, не первый год проводящая Единый государственный экзамен.

— Но на доске по-другому написано, а почему? — не унимался родитель.

— На доске написано по инструкции.

— Так мне как писать — по-вашему или по инструкции?

— О господи... Станислав Леонидович! — В голосе преподавательницы чувствовалось раздражение. — Вы что, в школе не учились? Единичку можно подправить при необходимости, скажем, на “четвёрку”. Понимаете?

— Ах, вон оно что! — деланно удивился Лебедев, кстати, прораб в районном ЖКУ, и склонился над своим листком, будто опозорившийся ученик.

С горем пополам взрослые заполнили регистрационные бланки. Обязательные гелевые чёрные ручки то извергали водянистую жижу, то скребли по бумаге, как высохшие перья, коими пользовался ещё пару веков назад поэт Пушкин.

В десять минут одиннадцатого было разрешено приступить к выполнению заданий. Виктория Гертрудовна, бегло просмотрев контрольно-измерительные материалы, почувствовала себя профаном. Она обладала врождённой грамотностью, прочла за свою жизнь множество книг и, конечно, учила школьные правила про “жи-ши” и так далее, но эти вопросы сбивали её с толку. “Парцелляция... Что такое парцелляция?” — метался её разум в поисках значения термина. Если когда-то и знала, то накрепко позабыла. Безнадёжно. Избавилась от этого знания, взамен приобретя другое. “Правила вы должны учить так, чтоб от зубов отскакивало! Разбужу я вас среди ночи — все падежи по порядку мне расскажете!” — любила повторять ныне покойная русичка Римма Сергеевна скрипучим голосом, навсегда врезавшимся в память многих поколений. Единственное, что сейчас помнила Виктория Гертрудовна, — тот старческий разговор...

— Отвечайте, не бойтесь — всё равно ваши работы никто проверять не будет! — чуть запоздало огорошила экзаменуемых девочка из отдела образования, заглянув в класс. Хотела ли она этими словами подбодрить растерявшихся родителей или высокомерно унизила их — никто не успел разобраться, но ответом ей было явственное возмущение, угадывавшееся в шелесте бумаг и недовольном бормотании. А может, это был вздох облегчения.

“Отлично. Только где же ты была раньше, доченька?” — взгляд Виктории Гертрудовны прожигал выскочку насквозь. Она ещё немного подумала над заковыристыми заданиями и быстро проставила цифры ответов в пустые строчки.

Вечером, возвращаясь домой по оттаявшему после снежной зимы тротуару, стараясь не наступать на отколовшуюся плитку, Виктория Гертрудовна размышляла о диагнозах, иммунизации, реабилитации и прочих будничных занятиях детского врача. Редкие встречные прохожие уважительно здоровались с ней по имени; она же отвечала неосознанно, погрузившись в себя. Утренний визит в школу больше её не беспокоил.

Она взглянула на свои окна. Сын поджидал её, уткнувшись лбом в стекло, на кухне. Потом исчез — пошёл отпирать дверь.

— Ну как, ма, сдала?! — торжественно спросил Саша, когда Виктория Гертрудовна освободилась от тесных ботфуртов.

Подняв взгляд, она не сразу поняла, о чём идёт речь. Потом расплылась в улыбке:

— Сдала!

Александр отнёс пакеты с продуктами на кухню.

— Ох, как же вас там мучают в этой школе! Вот в наше время всё было по-другому, — шутливо прокричала вслед сыну Виктория Гертрудовна.

Он вернулся, встал, оперевшись спиной о стену.

— Я хотел бы побывать в вашем времени. Вернее, родиться в то время, чтобы не знать о компьютерах, разных гаджетах, а особенно — об интернете. Готовиться к экзаменам по настоящим книгам, а не решая дурацкие типовые варианты. И не бояться неизвестности. Не думать о том, что ты никому не будешь нужен.

— То время уже не вернуть, сынок, — вздохнула Виктория Гертрудовна. Она всё ещё сидела на кожаном пуфике у порога квартиры. — Страны той больше нет. Осталась лишь память о ней, да и та, поверь, не всегда хорошая. Помнишь, как в твоём любимом “Властелине колец”: “...В наших силах лишь решать, что делать со временем, которое нам отпущено”. А его ничтожно мало. Поэтому во всём нужно видеть и плюсы. Например, вахтёрша в вашей школе — настоящий Цербер, — вдруг рассмеялась Виктория Гертрудовна. — Мимо неё не проскочишь, и никакие металлоискатели с турникетами да камерами не нужны!

Помолчали.

— Саш, ты уверен, что справишься?

— Не волнуйся, мам. Прорвёмся! — подмигнул Сашка матери и поправил сбившуюся бандану на обритой после химиотерапии голове.